

ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ В ВЫЯВЛЕНИИ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ

В статье исследуется такое явление в общественной жизни России периода Первой мировой войны, как добровольные пожертвования. Рассматривается социальный состав жертвователей и использование пожертвований для нужд армии, прежде всего для солдат, изувеченных войной, показана динамика этого явления в связи с изменениями в настроениях общества как элемента в выявлении патриотических ценностей.

Ключевые слова: авторитет власти, благотворительность и общественные организации, благотворительность, императорская фамилия и благотворительность, Красный Крест, патриотические чувства, Первая мировая война, социальный аспект благотворительности, программы благотворительности, патриотические настроения.

E. Borshchukova

INDIVIDUAL CHARITY IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR AS AN ELEMENT IN REVELATION OF PATRIOTIC FEELINGS

The article deals with such problem of social life of Russia as making donations during the First World War. The social structure of donators is considered as well as spending money on the army, mainly on soldiers wounded in the war. The dynamics of this phenomenon is shown in connection with the changes in public mood.

Key words: authority of the power, charity and public organisations, charity, Tsar's family and charity, "Red Cross", patriotic feelings, the First World War, social aspect of charity, charity programmes.

В период Первой мировой войны добровольные пожертвования частных лиц и организаций в пользу фронтовиков, ране-

ных и семей военнослужащих, а также родных и близких воинов, погибших в бою, были одной из форм проявлений патрио-

тических и нравственных чувств российского населения.

Пожертвования осуществляли многие государственные, религиозные объединения, граждане страны и частные организации. Среди них, например, крестьяне села Плотниковское Курганского уезда, работники Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры (будущий завод «Треугольник»), Сергиевский всей артиллерии собор, Курская губернская, Великоустюжская, Мальцевская тюрьмы Нерчинской каторги, участники железнодорожного музыкально-драматического кружка из Забайкалья и многие другие. Информация об этом отражалась на страницах «Вестника Красного Креста» [3, с. 15, 24, 38, 69]. Это издание является, пожалуй, чуть ли не единственным источником, позволяющим приблизительно если не подсчитать размеры жертвований в пользу российской армии, то хотя бы определить, куда и на какие нужды они пошли. Представляется, что точные размеры жертвований определить невозможно, поскольку многие из них не фиксировались в каких-либо документах.

Особенно это касается тех жертвований, которые целевым назначением направлялись в войска. В ряде случаев их отпраздники не требовали от воинских частей какого-либо документального подтверждения полученных денежных сумм и материальных ценностей. Чаще всего процесс передачи жертвований завершался устной признательностью или письменной благодарностью общего характера. Все это затрудняет исследовательский процесс. Однако следует признать, что научный интерес представляет не столько общая сумма взносов, сколько иные качественные характеристики. Среди них – конкретные имена жертвователей, их социальный статус, место проживания, возраст, профессия, форма жертвования и т. д.

Война, прежде всего ее первые месяцы, дезорганизовала хозяйственную жизнь страны. Отвлечение сотен тысяч рабочих

рук, резкое сокращение экспорта и импорта, приостановка коммерческих перевозок, нарушенных мобилизаций, не могли не сказаться на поступлениях в казну. В самом деле, доходы казенных железных дорог сократились в 1914 г. по сравнению с предыдущими годами на 18%, таможенные поступления – на 17%. Бюджет 1914 г. был сведен с невиданным прежде дефицитом почти в 2 млрд руб., при общей сумме расходов менее 6 млрд руб., притом, что объем всего народного богатства страны, оценивался А. Л. Вайнштейном на 1 января 1914 г. в 69 193 млн руб.

В начале войны обороты сельских торговцев выросли в 2 раза. Резко вырос спрос на сахар, масло, белый хлеб в сельской местности, но из-за войны крестьяне не могли получить в обмен на хлеб строительные и промышленные товары, орудия сельскохозяйственного производства в достаточном количестве. Особое совещание по продовольственному делу стало преемником функций Главного продовольственного комитета, так как создано оно было одновременно с тремя другими Особыми совещаниями военного времени.

Значительную роль в этот период играли кооперативные тенденции в кустарной промышленности. На 1914 г. приходится зарождение большого числа союзов кустарей, чему активно способствовали действия правительства. Например, представители отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики через земские организации размещали свои заказы среди местных кооперативов. Так, Боровичковское уездное земство Новгородской губернии получило значительные заказы на производство вязаных изделий для фронта. Для деятельности кооперативов создавались благоприятные условия. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики высылал кооператорам вязальные машины, которые выдавались в качестве беспроцентной ссуды сроком на 5 лет. Кроме того, сырье для производства кооперативы получали централизованно.

Вопрос о снабжении Петрограда был особенно актуален. Это касалось продовольствия для населения, сырья и топлива, необходимых предприятиям города, работавшим на войну. Удаленность Петрограда от донецкого угля и от хлебных губерний вместе с транспортной проблемой привели к кризису снабжения столицы.

Россия вступила в войну с Германией, находясь в условиях относительной внутривнутриполитической и экономической стабильности. Это давало возможность российскому руководству относительно оптимистично смотреть на перспективу развития военных событий. Накануне войны российскими политиками, государственными и военными деятелями был предпринят ряд шагов, говорящих об осмотрительности, прозорливости и умении смотреть вперед. Неслучайно в первые дни войны, выступая перед членами Государственной думы, министр финансов П. Л. Барк сообщал о том, что Россия до начала войны успела снять со счетов в германских банках все наличные деньги, принадлежавшие Российской империи, что составляло около 100 млн рублей.

Казалось бы, в таких условиях пожертвования российских подданных, государственных и общественных организаций явно не играли решающей роли. С финансовой точки зрения, вероятно, это так и было. Однако они являли собой не только и не столько финансовый, сколько нравственный аспект деятельности людей.

Пожертвования осуществлялись представителями разных слоев общества и в различных размерах. Они могли быть разовыми, систематическими, приуроченными к каким-либо знаменательным датам или событиям в жизни государства или на фронте.

Их формы также были весьма разнообразны: денежные средства, продовольствие, фураж для скота, носильные вещи, обувь, спички, табак, медикаменты, перевязочные материалы, медицинские препараты и оборудование.

Пожертвования носили как относительно общий характер (на нужды войны, на поддержку армии, на помощь больным и раненым, на усиление того или иного вида или рода войск, на нужды воинов, призванных из запаса, на устройство лазаретов и их содержание, на снаряды и т. д.), так и вполне конкретный – на нужды членов Кавказской туземной дивизии, на нужды раненых, проходивших лечение в московских госпиталях, беженцам на постройку аэропланов, храмов и прочее.

Беженцы получали материальную помощь эпизодически на основе Положения о Комитете Ее императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, утвержденного 14 сентября 1914 г. Татьянинский комитет, которым руководил А. Б. Нейдгард, пользовался правительственной поддержкой и государственными субсидиями, кроме того, часть поступлений давали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы.

Очевидно, что интенсивность и объемы пожертвований находились в прямо пропорциональной зависимости от уровня благосостояния российских граждан, который, в свою очередь, непосредственно зависел от внутривнутриполитической ситуации в стране. По этой причине пожертвования российских подданных по мере неудачного развития военных событий все больше и больше шли на убыль.

Диапазон пожертвований отдельных граждан был необычайно широк. Государь император Николай II пожертвовал на военные нужды из личных средств значительную сумму; армянский князь Абамелек-Лазарев – 100 тыс. руб.; учительница села Чермошное Белгородского уезда Курской губернии – 6 руб.

По утверждению Великого князя Александра Михайловича, за время Первой мировой войны царская семья затратила на различные благотворительные цели 20 млн фунтов стерлингов, хранившихся в Лондонском банке.

Добровольные пожертвования почти всегда носили сугубо адресный характер. Само собой, без какого-либо указания «сверху», в России зарождалось шефство гражданского населения над теми воинскими частями, в которых воевали их земляки. Даже в 1915 г., характеризовавшемся неудачами русской армии на фронте, всенародная помощь шефов военнослужащим была велика. Примеров тому множество. В частности, жители г. Барнаула взяли шефство над военнослужащими 44-го Сибирского стрелкового полка. При Барнаульской комиссии Комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны организовался кружок, члены которого занимались сбором подарков воинам подшефной части на Рождество, Пасху и другие праздники. Председателем этого кружка был В. И. Нагибин. По его инициативе осуществлялась взаимосвязь с командованием 44 Сибирского стрелкового полка. Через одного из офицеров — полковника Алексева — В. И. Нагибин постоянно получал сведения о доставке подарков в воинскую часть. Ему также сообщались пожелания о том, какие подарки были бы наиболее полезны воинам в будущем [1, с. 1, 152].

Исследуя стихийные формы пожертвований для воинов российской армии, следует обратить внимание на то, что, пожалуй, самыми популярными формами пожертвований населения небольших городов являлись так называемые кружечные сборы и подписные листы. Кружечные сборы были как церковные, так и светские, или мирские. В ходе их проведения продавались, как правило, различные сувениры, чаще — флажки, в том числе и союзных держав. Каждый из покупавших такой сувенир опускал деньги в прорезь опечатанной кружки, которая после наполнения сдавалась в различные благотворительные организации. Так, 13 февраля 1915 г. в Барнауле во время кружечного сбора было продано более 30 000 флажков на общую сумму более чем 2300 руб. В тот же день на экстренном общем собрании Барнаульского

отдела Императорского общества правильной охоты был пущен среди его членов подписной лист на пасхальные подарки. В результате оказалось, что собрано 132 руб., а созданной комиссии в составе трех человек было поручено купить на эти деньги подарки воинам-барнаульцам.

Возникавшие по инициативе «снизу» формы пожертвований порой неожиданно становились популярными в других слоях общества. Более того, например, кружечные сборы очень эффективно использовались российским дипломатическим корпусом. Так, в 1916 г. представители Императорского Российского консульства в Ливерпуле организовали продажу флажков с изображением российских, сербских и французских флагов в рамках проведения так называемого Дня тройственного флага. Только за один день 29 августа флажков было продано на общую сумму 4267 руб. 50 коп. [3].

Как уже отмечалось, к числу пожертвований относились вещи, продовольствие, средства гигиены. Печать практически ежедневно освещала ход пожертвований организаций и частных лиц в пользу военнослужащих. Так, газета «Жизнь Алтая» в феврале 1915 г. сообщала, что от гражданки Л. П. Дорониной в фонд помощи воинам поступило 3 рубашки и 3 куска мыла, а от жителей деревни Щебнюха — 5 пудов толченых сухарей.

В сборе пожертвований участвовали и общественные организации. В частности, Алтайский дамский комитет помощи больным и раненым воинам провел акцию под названием «Привет от детей Алтая». В этой акции участвовало 166 детей в возрасте от 7 до 15 лет. Под руководством своих педагогов они изготавливали различные произведения в стиле художественных промыслов, которые в конце марта 1915 г. были выставлены на специальном детском базаре. На нем устроители представили 693 изделия, выручка от их продажи составила 710 руб. Все эти деньги отправлены на нужды фронтовиков.

Патриотический настрой был присущ всем слоям общества, в том числе и дворянству. Для этого с согласия членов дворянских собраний вводились дополнительные сборы. В начале войны они составляли 2,5 коп. с одного члена собрания, а год спустя в некоторых районах страны возросли до 5 коп.

Саратовское дворянское собрание ассигновало на помощь раненым военнослужащим 25 тыс. руб., 15 тыс. руб. – на устройство в доме дворянского собрания лазарета на 25 коек и 35 тыс. руб. на создание полевого госпиталя. К началу войны на счете Саратовского дворянского общества имелась 141 тыс. руб., из них на оказание помощи армии было почти сразу же израсходовано 75 тыс. руб. [4, с. 30].

Для увеличения эффективности благотворительных начинаний в ходе войны дворяне делегировали своих представителей в военно-промышленные комитеты, комитеты по снабжению и снаряжению армии, комитеты по закупке хлеба для армии, в губернские комитеты помощи беженцам и другие организации. Участие в работе таких организаций способствовало повышению эффективности работы по сбору пожертвований на нужды фронта и регулированию контроля над их честным и разумным расходованием. Так, в Самарский губернский комитет по снабжению армии в качестве выборных от земства в середине войны входили дворяне А. М. Верховский, граф М. Н. Толстой, князь В. Н. Сумбатов, Н. А. Карамзин. Комитетом по закупке хлеба для армии руководил дворянин К. Н. Иньков.

Дворяне почитали за честь входить в состав организаций, занимавшихся сбором вещей, продовольствия, обуви для солдат и офицеров, воевавших против врага. Например, почетным председателем Комитета по сбору теплых вещей для армии был граф И. И. Толстой, а председателем комитета – сенатор С. В. Иванов. Осенью 1914 г. они через печать обратились к жителям столицы с возванием «Петроград – защит-

ник родины», в котором призывали всех граждан жертвовать в пользу фронтовиков теплое белье и зимние вещи. Их призыв был наполнен пафосом и патриотизмом: «Граждане! Согрейте солдата!».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна объявила об открытии собственного склада для пожертвований в пользу раненых и больных воинов. Этот почин был поддержан многими состоятельными владельцами. Так, в собственном доме Е. А. Третьяковой, располагавшемся на Английской наб., 42, был открыт один из отделов склада императрицы Марии Федоровны, куда ежедневно с 10 до 17 часов поступали тулупы, валенки, фуфайки и другие теплые вещи, которые отправляли на фронт.

Силами частных лиц и общественных организаций Петрограда на фронт один за другим отправлялись транспорты с бельем и носильными вещами. В ноябре 1914 г., по прошествии трех месяцев с начала войны, петроградцы направили уже одиннадцатый такой транспорт. Он был загружен всем необходимым благодаря тому, что в городе успешно была завершена так называемая Неделя белья, в ходе которой было собрано 28 234 различных предметов одежды.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, по существу, возглавила в стране как сбор средств в пользу жертв войны, так и всю благотворительную деятельность. Великая княгиня Ксения Александровна была уполномочена вдовствующей императрицей Марией Федоровной от имени Всероссийского Красного Креста на сбор пожертвований для раненых воинов.

Так, главноуполномоченный Красного Креста Западного района граф Э. П. Беннигсен телеграфировал Марии Федоровне о том, что его уполномоченными в Минске и на станции Ратомка проводилась задача беженцам теплых вещей, пожертвованных ею лично. От имени императрицы тогда было выдано беженцам 11315 единиц теплого белья, одеял, валенок, шарфов, шапок, 72 пуда табака, мыло, спички, про-

довольствие. Осуществлялась забота и о детях, которым выдавали не только одежду, но и корзины игрушек.

В 1915 г. на имя Марии Федоровны поступила одна из многочисленных телеграмм с всеподданнейшим докладом президента Евангелической лютеранской генеральной консистории о намерении ее служащих в течение всей войны отчислять 2% получаемого содержания в пользу Красного Креста на нужды евангелического полевого лазарета. В ответ на это сообщение Мария Федоровна изволила осчастливить Евангелическую лютеранскую генеральную консисторию Всемиловейшей телеграммой, в которой говорилось: «Крайне тронута и всей душой благодарю служащих Евангелической лютеранской генеральной консистории за доброе намерение».

Частные лица, общественные организации, религиозные объединения, независимо от их конфессиональной принадлежности, считали своим долгом сообщать ей о своих делах и намерениях, связанных с добровольными пожертвованиями в пользу армии.

Церковные школы, средние учебные заведения, гимназии с начала войны были использованы под призывные пункты, вещевые склады, многие классы были переоборудованы под классы для обучения сестринскому делу и уходу за ранеными, а также под лазареты.

Исчислить и учесть все пожертвования церковных школ не представляется возможным. Многого делалось без огласки, без мысли об учете. Учащиеся устраивали музыкальные вечера, собирали вещи, деньги, продукты. В ряде школ были открыты мастерские по изготовлению кроватей, шитью и вязанию одежды и пр.

Анализ документов показывает, что 2% отчислений от зарплаты были оптимальной суммой для многих россиян.

С одной стороны, процесс пожертвований носил стихийный характер, с другой — он был неплохо отлажен на государственном уровне. Масштабные пожертвования

осуществлялись с ведома и разрешения высоких государственных структур, таких, например, как Главное управление Всероссийского Красного Креста. Поток пожертвований мог поступать и в различные общества.

Ежемесячно поступали пожертвования и в различные комитеты. В частности, только в октябре 1914 г. в Главный комитет Всероссийского земского союза поступило пожертвований 57 629 руб. 49 коп.

Порой пожертвования собирались путем проведения каких-либо ярких зрелищных мероприятий. Чаще это были выступления артистов, певцов, музыкантов, поэтов, реже — выступления спортсменов. Однако осенью 1914 г. в Московском шахматном кружке, находившемся на Арбатской площади в помещении Коммерческого училища Плестерра, состоялся сеанс одновременной игры выдающегося шахматиста А. А. Алехина. Выручка от этого сеанса целевым назначением направлялась в пользу российских шахматистов, задержанных в Бадене в качестве пленных.

Необходимо поставить вопрос и о мотивах пожертвований частными лицами и организациями. Не секрет, что они были многообразными. Часть граждан руководствовалась исключительно патриотическими чувствами. Некоторые считали это «хорошим тоном», своеобразной модой. Ряд политиков и высокопоставленных чиновников рассчитывал, что их личные пожертвования благотворно скажутся на развитии их карьеры, повлияют на формирование общественного мнения. Такие расчеты были вполне оправданными, так как тщеславие некоторых лиц было удовлетворено тем, что их фамилии печатали в газете, журнале или каком-то ином издании.

По мере развития военных событий несколько изменялись цели пожертвований. Если в 1914 г. основная часть пожертвований шла на нужды войны, то уже начиная с 1915 г. значительная их часть направлялась на организацию сиротских приютов, госпиталей, домов для инвалидов, на обес-

печение продуктами питания и элементарными условиями проживания беженцев из фронтовых районов. Таким образом, акценты пожертвований из области нужд военных действий постепенно смещались в сторону ликвидации их последствий.

Изучение материалов, связанных с благотворительной деятельностью российских подданных, их обобщение позволяет утверждать, что по мере развития военных событий общая сумма пожертвований российских граждан постепенно снижалась. Уменьшение числа и объемов пожертвований по мере развития боевых действий было связано не только с ухудшением материального положения российских подданных, но и с изменением их отношения к войне. Вот почему уменьшение и сокращение пожертвований следует рассматри-

вать и как доказательство усиления негативных тенденций во взглядах россиян на ход и исход войны, ростом недоверия к власти в этой связи со стороны российского общества. Черета революций, которые опрокинули Россию в кровопролитную гражданскую войну, сделали бессмысленной любые формы проявления благотворительности.

Однако добровольные пожертвования отдельных граждан и общественных организаций осуществлялись практически до конца военных действий, что свидетельствует о том, что, несмотря на изменение характера патриотического движения в России, оно существовало постоянно, во всем поддерживая защитников страны и являлось элементом в выявлении патриотических настроений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биржевые ведомости. — 1915—1916 гг.
2. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — Париж: Иллюстрированная Россия, 1993.
3. Вестник Красного Креста. — 1914. — Октябрь. — № 9.
4. Куреева О. А. Помощь дворянства фронту в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы 23-й Всероссийской заочной научной конференции. — СПб., 2001.
5. Мировая война в цифрах. — М.; Л.: Воениздат, 1934.
6. Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. — СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1999.